

государственных статистиков.

Поэтому они спешат смягчить свой принцип. «Конечно, - говорят они, - общество возьмется кормить и воспитывать детей, будет помогать старикам и больным! Конечно, потребности послужат в данном случае мерилom издержек, которые возьмет на себя общество, чтобы смягчить свое основное правило «каждому по его делам»».

Одним словом, получается опять-таки благотворительность! Все та же христианская благотворительность, но на этот раз организованная государством. Стоит только усовершенствовать воспитательные дома и организовать страхование от старости и болезни - и основной принцип смягчен! Все та же система: «Сначала ранить, а потом лечить!»

Таким образом, начав с отрицания коммунизма и с насмешливого отношения к принципу «каждому по его потребностям», они, эти великие экономисты, в конце концов замечают, что забыли-таки одну вещь, а именно

- потребности производителей. Они спешат их признать. Но только оценивать эти потребности должно государство; государство должно проверять, соразмерны ли они с делами каждого? Подать ли милостыню или нет?

Государство, стало быть, возьмет на себя благотворительность - призрение хромыx и слепых нищих, а от этого до английского закона о бедных и до английских рабочих домов, т. е. тюрем для неимущих, - всего один шаг. Ведь и то безжалостное современное общество, против которого мы возмущаемся, тоже оказалось вынужденным смягчить свой индивидуализм; оно тоже должно было сделать некоторые уступки в направлении коммунизма и точно так же в форме благотворительности: оно так же завело воспитательные и «рабочие дома»!

Оно точно так же раздает дешевые обеды - из боязни, как бы голодные не разграбили его лавок. Оно так же устраивает больницы, очень часто плохие, по иногда и великолепные, чтобы помешать распространению заразных болезней: неравно и сам заразишься! Оно так же оплачивает сначала часы труда, а затем берет на себя воспитание детей тех, кого довело до крайней нищеты. Оно так же принимает во внимание потребности и делает это в форме Казенного Попечительства о Бедных.

Бедность послужила, как мы видели, первым источником обогащения; она создала первого капиталиста. В самом деле, ведь прежде чем явилась та «прибавочная стоимость», о которой так любят говорить экономисты, нужно было, чтобы существовали голодные бедняки, которые согласились бы продавать свою рабочую силу. Их бедность сделала возможным существование богатых. И если нищета так сильно развилась к концу средних веков, то это благодаря тому, что завоевания и войны, следовавшие за образованием государств и обогащением вследствие эксплуатации Востока, порвали связи, существовавшие раньше между городом и деревней, и выбросили из города деревенскую нищету, которую эксплуататоры могли запрятать в наемный труд.

Неужели же это самое начало должно явиться теперь результатом революции? И неужели мы назовем этот жалкий результат именем «социальной революции», - этим именем, дорогим для всех голодных, приниженных и оскорбленных?

Нет, этого не будет! В тот день, когда старые учреждения начнут падать под ударами пролетариев, раздадутся голоса, требующие «хлеба», убежища и довольства для всех!

И эти голоса будут услышаны. Народ скажет: «Удовлетворим прежде всего ту жажду жизни, радости и свободы, которой никогда мы еще не могли утолить! А когда